

ВСЯ ПРАВДА
О СПЕЦНАЗЕ

АЛЕКСАНДР РЖАВИН

**МОРСКИЕ
ДЬЯВОЛЫ**

ИЗ ЖИЗНИ ВОДОЛАЗОВ-РАЗВЕДЧИКОВ
БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА ВМФ

Александр Ржавин

**Морские дьяволы. Из жизни
водолазов-разведчиков
Балтийского флота ВМФ**

«Алисторус»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ржавин А. А.

Морские дьяволы. Из жизни водолазов-разведчиков Балтийского флота ВМФ / А. А. Ржавин — «Алисторус», 2016

ISBN 978-5-906880-13-0

Неофициальный девиз морского спецназа ГРУ: «Долг. Честь. Отвага». Во время учебно-боевых тренировок водолазы-разведчики тайно «переходят» госграницу, проникают на территорию АЭС, «минируют» стоящие на рейде корабли ВМФ, организуют «диверсии» на территории военно-морских баз, складов с ядерными боеприпасами, аэродромов, радиоцентров, радиолокационных станций противовоздушной обороны и систем предупреждения о ракетном нападении. В военное время боевые пловцы способны уничтожить любые подводные и надводные объекты: от элементов противоракетной обороны НАТО до морских нефтегазовых комплексов. В основе повествования – реальные факты из службы автора и его знакомых в 561-м ОМРП (Отдельный морской разведывательный пункт) Специальной разведки Балтийского флота ВМФ СССР «Парусное».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906880-13-0

© Ржавин А. А., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Предисловие	6
Вступление	8
Часть первая. Исходный пункт	12
Военная разведка	12
Водолазы, диверсии, разведка	19
Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН)	25
Рота особого назначения (РОН)	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Ржавин
**Морские дьяволы. Из жизни водолазов-
разведчиков Балтийского флота ВМФ**

© Ржавин А. А., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

*Водолазам-разведчикам и диверсантам третьей мировой
войны посвящается*

Предисловие

Книгу, которую вы сейчас держите в руках, написал мой отец, Александр Аркадьевич Ржавин, ставший на службе в рядах части спецназа советского военно-морского флота заместителем командира разведывательно-диверсионной группы в звании старшего матроса и в должности старшего водолаза-радиометриста особого назначения.

В детстве на вопросы, кем отец был в армии, я отвечал просто: мой папа – «парусник». Что это значит, вся округа города Приморска знала. А для непосвященных добавлял: водолаз. Признаюсь, забавно было наблюдать за снисходительной реакцией тех, кто привык к внешним эффектам, скажем, от ВДВ: «А, водолаз...» Откуда им было знать, что не просто водолаз, а водолаз-разведчик, диверсант.

Сразу после службы для трудоустройства отец заполнил автобиографию, в которой, в частности, говорилось следующее:

«4 ноября 1973 года Московским РВК города Риги был призван на действительную военную службу и направлен в учебный отряд в/ч 20884 «И» города Киева. В школе младших специалистов обучался по специальности радиометрист-радист. 17 апреля 1974 года с отличием закончил ее и был направлен для прохождения дальнейшей службы в в/ч 10617 города Приморска, где продолжал службу по 9 ноября 1976 года по специальности старший водолаз-радиометрист. За время службы стал специалистом 2 класса, „отличником ВМФ“, „отличником-парашютистом“».

В отделе кадров только с удивлением пожимали плечами: для чего это водолазам быть радистами, да еще с парашютами прыгать? Впрочем, как заявляла официальная пропаганда, воины доблестной Советской армии должны были быть мастерами на все руки. А слова «боевые пловцы» или «спецназовцы» вошли в широкий обиход позднее.

К слову, отец никогда не говорил, что он служил в армии. Он служил на флоте. И главным праздником он считал не 23 февраля (пусть тот и назывался День Советской армии и Военно-морского флота, а теперь День защитников Отечества), а именно День Военно-морского флота, который отмечается в последнее воскресенье июля.

После перестройки и развала СССР о водолазах-разведчиках появилось много публикаций и книг, в которых люди, никогда не служившие в подразделениях боевых пловцов, сочиняли о них всякую чушь. Отец сильно переживал из-за нарастающего потока лживых измышлений, на которых недобросовестные авторы хотели заработать, злоупотребляя ставшим в одночасье популярным словом «спецназ». Серьезные и правдивые публикации, конечно же, были, но в небольшом, явно недостаточном количестве. Поэтому отец решил написать свою книгу о советских и российских водолазах-разведчиках.

В ней рассказывается об истории возникновения службы боевых пловцов, о путях развития и становления специальных подводных формирований, а также о некоторых операциях с участием разведчиков и диверсантов военно-морских сил. Представлен материал об отборе кандидатов и специфике подготовки водолазов-разведчиков, их деятельности и задачах, о специальных заданиях по проверке способности пограничных войск выполнять возложенные на них функции и надежности охраны атомных электростанций, объектов противовоздушной и противоракетной обороны, о проникновении в базы ВМФ и расположение частей стратегического назначения, о постановке под водой и на суше разведывательных и диверсионных технических средств, о мероприятиях по подводной охране глав государств и совместных учениях с органами государственной безопасности и внутренних дел, а также о нестандартных ситуациях, в которых неоднократно приходилось бывать специалистам Специальной разведки.

Хотя о спецслужбах СССР и России в последнее время сказано немало, но о подразделениях водолазов-разведчиков широкому кругу читателей мало что известно. Сам факт

существования особо секретных разведывательно-диверсионных групп водолазов-разведчиков (боевых пловцов) Специальной разведки Военно-морского флота в Советском Союзе являлся большой тайной. Главное разведывательное управление (ГРУ) тщательно скрывало от мира свой ударный подводный спецназ, предназначенный сыграть важную роль в случае ядерной войны.

Материал для книги извлечен из различных публикаций, интервью, специальной литературы и других источников, столь же разнообразных, как и ее сюжеты. Основа же книги – это материалы из личного архива автора и описание реальных событий, в которых приходилось принимать участие водолазам-разведчикам Специальной разведки ВМФ СССР и России.

К сожалению, рукопись осталась незаконченной. Отец всего два дня не дожид до своего любимого праздника в 2003 году, почти до последней минуты думая, что в книге необходимо изменить, исправить или дополнить. Кроме того, отец планировал написать еще несколько книг, посвященных советским и российским боевым пловцам, поэтому некоторые темы он с самого начала не собирался излагать в данной книге или рассматривать их подробно. Тем не менее, на мой взгляд, даже в незавершенном виде она представляет большой интерес для самого широкого круга читателей. Книга, дополненная фотографиями, большинство которых публикуется впервые, ясно и правдиво рассказывает о советских и российских водолазах-разведчиках, об их тяжелой, но очень интересной службе по защите Родины.

Надеюсь, читатели с интересом познакомятся с деятельностью боевых пловцов военной разведки и событиями, раскрытыми в этой книге.

Также хочу выразить благодарность всем, с чьей помощью эта книга, несмотря ни на что, вышла в свет.

Александр Александрович Ржавин

Вступление

*Нервы – непозволительная роскошь для водолазов.
Роберт Дэвис*

Готовим их к войне, которой, впрочем, как мы надеемся, никогда не будет. *Владлен Михайлович Михайлов*

...Под вой сирены и яркие вспышки фонаря желтого цвета готовности плавно открылся люк десантного самолета. Черная пасть ночного пространства открылась перед нами.

Специальный десантный самолет летел на высоте 8 км, а под нами где-то далеко внизу находились густые облака и еще ниже – незнакомое, чужое, беспокойное море. Через мгновение нам, разведывательно-диверсионной группе специального назначения отдела военно-морской разведки СССР, предстояло совершить затяжной прыжок в эту бездну и приступить к выполнению полученного задания.

Одетые в специальное легководолазное снаряжение боевых пловцов и уже включенные для дыхания в подводные дыхательные аппараты (ведь воздух на такой высоте сильно разрежен), мы восседали в сиденье из парашюта на новейших контейнерах-креслах, заполненных оружием, снаряжением, минами и специальными зарядами, с прикрепленным индивидуальным подводным буксировщиком, готовые по команде «пошел» нырнуть в неизвестность.

Как много вспоминается в эти секунды! Ощущения тревоги и гордость совершаемого – все сконцентрировалось в напряжении ожидаемого. Чувства словно покинули нас, лишь подсознание теребит сгусток беспокойства, да мозг автоматически все фиксирует и как запрограммированный еще и еще раз прокручивает где-то в глубине все действия при таком варианте десантирования – заброски на территорию врага.

Автор во время службы в 561-м ОМРП Специальной разведки ВМФ СССР. Июнь 1975 года. (Фото из архива автора)

Приказ на выполнение операции был получен десять часов назад – время, необходимое по нормативам при этом варианте на сборы. За эти часы мы неспешно, организованно собрали снаряжение, оружие, подготовили средства десантирования и плавания под водой, получили шифры и аппаратуру связи и изучили документацию операции.

Ситуация была в общем-то известная. Нашей группе предстояло с воздуха в нейтральных водах у побережья противника нырнуть в глубину, а затем скрытно выйти на берег и уничтожить находящуюся в этом районе систему РЛС противоракетной обороны НАТО. Другие группы получили похожие задания, а также приказы на установку специальных (господи, ну и словечко же для них подобрали!) подводных диверсионных зарядов с целью уничтожения крупнейших и важных портов, военно-морских баз врага, радиолокационных станций, пусковых ракетных установок, средств противоракетной обороны и т. д., и т. п.

Позже была посадка на одном из военных аэродромов в самолет, а дальше все пошло, как учили.

Неужели будет война? Ведь это мы, части спецназа военной разведки, можем получить приказ еще до начала пуска наших межконтинентальных баллистических ракет приступить к уничтожению противоракетной обороны намеченного врага. Наши ракеты должны достигнуть территории противника, имея как можно меньше потерь в воздухе, чтобы удар был всеобъемлющим, смертельным. Мир еще ни о чем не подозревает, а мы уже действуем. Об этом думал я, летя сейчас в самолете.

Да, нас предупреждали, что все мы в случае боевых действий практически смертники. Обратной дороги после выполнения задания фактически нет. Лишь чудо спасет нас, но чудес не бывает, а нам всего-то по двадцать лет. Главное – выполнить приказ, чтобы ответный удар, удар возмездия, если он состоится, был менее эффективным. Тогда есть шанс уцелеть нашим родным в мирных домах России.

Мои раздумья прервал яркий зеленый свет сигнала выброски, и в тот же миг контейнер, к которому я был пристегнут, по направляющим полозьям заскользил вниз в черный провал борьбы, и непроницаемая краска темноты окружила меня. Самолет уже был где-то далеко, а я летел к земле, не видя ее.

Через несколько секунд раздался щелчок контрольного прибора. Я снял предохранители с замка контейнера и отстегнул его. Он отделился от меня и завис подо мной на десятиметровом фале. Вдруг вспыхнул горизонт огнями далекого города, а внизу заиграло блесками ночное море. Значит, пролетел облака, и сейчас должен сработать контрольный прибор, который расстегнет ранец парашюта, но для страховки рука положена на кольцо парашюта, а глаза следят за высотой.

Прозвучал очередной щелчок, и раскрылся небольшой стабилизирующий парашютик. Полет стал устойчивым, вертикальным. А еще через пять секунд с хлопком раскрылся купол основного парашюта.

До поверхности моря осталось метров пятьсот, надо приготовиться к отделению от парашюта перед самой водой, иначе можно запутаться в нем – в воду надо входить чистым. Вначале плюхнется контейнер, а затем я. Дыхательный аппарат работает нормально, маска и ласты на месте.

Руки мои сами действуют по много раз отработанной схеме. Сняты предохранители с замка парашюта, и вот я вижу – волна, вода. За мгновение до того, как ласты коснулись воды, я нажал на замки, но вот... Ух, черт, один замок заклинило. Меня потащило по воде, контейнер тянул в воду, а перекошенный купол парашюта, заполняемый ветром, за правые свободные концы и подвесную систему – вверх по волне по ветру.

Не раздумывая, я выхватил нож и перерезал стропы. Купол отделился, полетел в сторону, а я спокойно заглублился.

Теперь только без паники. Надо освободиться от подвесной системы, сесть на буксировщик и перецепить контейнер, лишенный вспомогательной арматуры за ним. Так, есть. Сейчас всплываю и осматриваюсь. Все тихо, значит, пока нас не заметили.

Я снова заглублился, включил гидроакустический пеленгатор и поплыл, выдерживая глубину восемь метров, к месту сбора группы. У командира группы гидроакустический маяк, и

мы собираемся вокруг него. Распределяемся по связке (так легче плыть под водой), и, сидя на буксировщиках, плывем заданным курсом. Все действия, наши манипуляции буквально на ощупь. Мы только переговариваемся по системе подводной связи типа «Угорь», помогая слаженности в работе.

А в голове все крутится мысль: неужели война? Дело серьезное. У нас полный боевой комплект, и мы сделаем все, чтобы выполнить приказ.

А что потом? Идти сдаваться? Ведь наши ракеты ударят по нам же... Черта с два! Русские не сдаются. Ничего, еще не один зазнавшийся янки оправится на тот свет от гранаты, пули и ножа советского водолаза-разведчика. Все равно помирать – так лучше жизнь подороже отдать.

Вот и берег заданного района. Рука на оружии, вторая – делает свое дело: буксировщик отстегнут, контейнер подтянут, можно снять маску. Высунув головы над водой, осматриваемся и тихо начинаем действовать.

Но что это? Три сигнальные ракеты с берега взметнулись в ночное небо: красная и две зеленых. Это же условный сигнал командира нашей части!

Фу-ты, ну-ты! Опять просто учения. Что ж, выходит, еще поживем...

Часть первая. Исходный пункт

Итак, не бойтесь их: ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано...

*И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне.
Евангелие от Матфея. 10,26–28.*

Только тогда можно молчать и быть невозмутимым, когда есть лук и стрелы: иначе возникают ссоры и пустословие. Да будет мир ваш – победой.

Фридрих Ницше

Военная разведка

Официальные военные теоретики и историки, создающие исторические труды о чрезвычайно сложном общественном явлении – войне, акцентируют основное внимание на процессе вооруженной борьбы, на причинах и последствиях войн и, как правило, не касаются подробного освещения роли разведки в этих событиях. Если о деятельности разведывательных органов в целом, некоторых руководителей разведок и достаточно известных крупных резидентов разведки написано немало обстоятельных книг и статей, то о разведчиках и диверсантах, непосредственно выполнявших опасные разведывательные, диверсионные и террористические задания, сказано гораздо меньше. Еще меньше публикаций о разведдиверсантах специальных подразделений, действовавших под эгидой разведки Военно-морских сил или использовавших водные пространства для эффективного выполнения особо секретных заданий. И совсем уж мало просачивается на страницы печати подробной и, что особенно ценно, достоверной информации о совершенно секретных разведывательно-диверсионных группах боевых пловцов (водолазов-разведчиков) Специальной разведки Главного разведывательного управления Главного штаба Военно-морского флота СССР или Российской Федерации. Между тем, в весьма разветвленной и многоступенчатой иерархической структуре военной разведки окруженные ореолом таинственности разведывательно-диверсионные формирования особого и специального назначения всегда занимали достойное место.

Что же представляет собой военная разведка бывшего Советского Союза, а теперь Российской Федерации?

В Советской военной энциклопедии, выпущенной Министерством обороны в 1976–1980 годах, написано:

«Разведка военная, добывание, сбор и изучение данных о военно-политической обстановке в отдельных странах и коалициях государств вероятного или действующего противника, его вооруженных силах и военно-экономическом потенциале, составе, положении, состоянии, характере действий и намерениях группировок войск (сил), а также о театре военных действий; вид обеспечения боевых действий. Организуется командованием и штабами всех степеней и ведется в любой обстановке».

Сказано довольно доходчиво, и особенно интересно указание, что «ведется в любой обстановке», то есть и в мирное время. Как говорили древние римляне: «Si vis pacem, para bellum» («Хочешь мира, готовься к войне»).

Кому же подчинены разведорганы «командования и штабов всех степеней»? Кто контролирует их? И где, в каком месте, концентрируются и анализируются все собранные и добытые данные?

О существовании высшего органа военной разведки, грозной и сверхсекретной организации – Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных сил – многие обычные советские люди узнали лишь во времена «гласности».

Главный комплекс зданий штаб-квартиры ГРУ находится почти в центре Москвы на территории Центрального аэродрома (Ходынское поле) на улице Хорошевское шоссе, но невидимые нити от этого огромного разведывательного центра протянуты по всему миру.

История же ГРУ такова. В 1917 году Российскую империю потрясли две безумные революции, что привело к фактическому распаду ее Вооруженных сил, в том числе и военной разведки. Перед сотрудниками русской военной разведки встал нелегкий вопрос: с кем идти дальше? Каждый из них сделал свой выбор.

В конце ноября 1917 года общее управление военным ведомством Советской России приняла Коллегия народных комиссаров по военным делам, которая решила сохранить на некоторое время Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) как центральный орган управления армии, включая и Главный отдел генерал-квартирмейстера – центральный орган военной разведки и контрразведки.

Период военной разведки Советской России – Советского Союза – Российской Федерации начался в 1918 году. В феврале 1918 года германские, а затем австро-венгерские и турецкие войска начали интервенцию против Советской России с целью захвата и колонизации ряда ее областей. Позже в этот процесс включились американские, британские, французские и японские войска, что в немалой степени способствовало развертыванию Гражданской войны в России (1918–1920). 4 марта 1918 года для защиты режима и формирования кадровой Красной армии создается орган стратегического руководства Вооруженными силами Советской Республики – Высший военный совет. Военным руководителем Высшего совета назначается генерал-лейтенант царской армии Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (1870–1956). Он обладал опытом работы в военной разведке и понимал ее значение для Вооруженных сил. Именно по его инициативе были приняты меры по созданию разведывательных и контрразведывательных органов в Красной армии. Его предложения, изложенные в письме председателю Совета народных комиссаров Владимиру Ильичу Ленину (Ульянов, 1870–1924), были рассмотрены и одобрены Высшим военным советом, который 5 июля 1918 года утвердил общее положение по разведывательной и контрразведывательной службе, после чего в управлении генерал-квартирмейстера создается разведывательное отделение.

А до этого, в мае 1918 года, с созданием Всероссийского главного штаба, в состав его Оперативного управления был введен военно-статистический отдел, который включал в себя разведывательную часть и регистрационную службу (военную контрразведку). По положению Высший военный совет организовывал разведывательную деятельность в районе демаркационной линии и на участках отрядов завесы – оперативных объединений армии в начальный период Гражданской войны, состоявших из участков, каждый из которых имел несколько отдельных отрядов, для обороны демаркационной линии, установленной после Брестского мира 1918 года между Советской Россией и странами Четверного Союза. Всероссийский главный штаб занимался стратегической разведкой за рубежом, а Оперативный отдел народного комиссара по военным делам – против всех сил, грозящих агрессией Советской России.

В начале октября 1918 года, в связи с дальнейшим обострением обстановки на фронтах Гражданской войны, руководство всеми органами военного контроля (контрразведка) и агентурной разведкой сосредоточивается в Полевом штабе Революционного военного совета Республики (РВСР), образованного в сентябре 1918 года. Одной из функций штаба являлось составление докладов о стратегическом положении на фронтах, оперативных и разведыватель-

ных сводок, а также учет вооруженных сил, сбор и обработка всей информации о вооруженных силах противника. Надо отметить, что в тот период в Полевом штабе работали и бывшие офицеры царской армии, в свое время окончившие Академию Генерального штаба и имевшие необходимые профессиональные навыки по организации разведки, обработке и анализу разведывательной информации. К примеру, разведывательный отдел Полевого штаба возглавлял бывший полковник Генерального штаба, знаменитый впоследствии Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников (1882–1945).

1 ноября 1918 года заместитель председателя РВСР Эфраим Маркович Скланский (1892–1925), член РВСР Карл-Юлий Христианович Данишевский (1884–1938) и главнокомандующий Вооруженными силами республики Иоаким Иоакимович Вацетис (Вацетис, 1873–1938) утвердили штат Полевого штаба РВСР. До надлежащих учреждений и лиц он был введен секретным приказом РВСР № 197/27 от 5 ноября 1918 года. Согласно штатам, было сформировано всего шесть управлений. Руководство войсковой (тактической) разведкой возлагалось на Разведывательное отделение (часть) Оперативного управления, а агентурной – на Регистрационное управление (Региструп) Полевого штаба. Последнее позже и стали считать родоначальником нынешнего Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил. Пятого же ноября, ежегодно, все военные разведчики Советского Союза / Российской Федерации стали отмечать как День рождения своего разведывательного органа.

Вначале в состав Регистрационного управления входило два отдела: агентурный (разведывательный) и военного контроля (контрразведывательный). В самом конце января 1919 года Революционный военный совет Республики, в связи с увеличением специфических задач, дополнил штаты Регистрационного управления Полевого штаба созданием Морского агентурного отделения, сосредоточившего в своем ведении морскую агентурную разведку вооруженных сил республики. К сведению, 29 января 1999 года разведка Военно-морского флота Российской Федерации, не афишируя, но торжественно отметила свое 80-летие.

В феврале 1919 года при Регистрационном управлении был организован уже Морской разведывательный отдел (2-й, морской агентурный разведывательный отдел), а на местах соответственно морские разведывательные отделения.

В марте-апреле 1919 года Регистрационное управление подверглось существенной реорганизации в соответствии с требованиями VIII съезда Российской Коммунистической партии (большевиков) – РКП (б) [она же: с 1898 года – Российская социал-демократическая рабочая партия, РСДРП, с 1917 до 1918 года – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков), РСДРП(б), с 1925 года – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), ВКП(б), с 1952 года – Коммунистическая партия Советского Союза, КПСС]. Согласно новому штату оно стало включать отделы сухопутной и морской агентурной разведки, а также военно-цензурный отдел. В то же время Отдел военного контроля (контрразведка) был выведен из состава Регистрационного управления и подчинен Управлению делами Революционного военного совета Республики и Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Ввиду близкого окончания войны и постепенного перехода к миру начальник Полевого штаба РВСР 16 февраля 1920 года дал указание начальнику Регистрационного управления «организовать агентурную разведку в широком масштабе», выходя за рамки сопредельных с Советской Россией стран. Необходимо было начать сбор сведений о политическом, экономическом и военном состоянии таких государств, оказывающих или способных оказать в будущем влияние на внешнюю политику пограничных с Россией стран. В первую очередь сбор разведывательной информации должен был охватить следующие страны: Францию, Великобританию, Германию, Италию, Швецию, Китай, Соединенные Штаты Америки, Балканские страны, государства Ближнего Востока. Кроме этого, особое внимание, как отмечалось в Указании, следовало уделить выяснению состояния вооруженных сил тех государств, вооруженное столк-

новение с которыми в данный период было наиболее вероятно. К таким в начале 1920 года относились: Польша, Финляндия, Латвия, Эстония, Литва, Румыния, Турция, Азербайджан, Армения, Персия (Иран), Афганистан и Япония.

По планам Регистрационного управления Латвия, Эстония, Литва, Финляндия и Грузия должны были стать агентурными плацдармами для организации разведывательной деятельности в странах Западной Европы. Первым таким плацдармом стала Эстония, подписавшая с Советской Россией мирный договор.

В апреле 1921 года, в целях сосредоточения управления разведкой в одном органе, создается единое Разведывательное управление (Разведупр), подчиненное начальнику штаба Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Управление занималось организацией и ведением стратегической и войсковой разведки. Начальник Разведывательного управления назначался председателем РВСР по согласованию с председателем ВЧК. Одновременно начальник Разведупра входил в состав коллегии ВЧК. Так завершился процесс централизации разведывательной службы Красной армии.

В октябре 1942 года, с целью повышения эффективности военной разведки в условиях Второй мировой войны (1939–1945), было принято решение образовать два центральных органа: Главное разведывательное управление (ГРУ), подчиненное народному комиссару обороны (тогдашнему руководителю центрального органа управления РККА) и Управление войсковой разведки (УВР) в составе Генерального штаба Красной армии. В апреле 1943 года УВР было реорганизовано в Разведывательное управление (РУ) Генерального штаба. На ГРУ возлагалось ведение агентурной разведки за рубежом. РУ поручалось руководство войсковой разведкой фронтов, ведение агентурной разведки на временно оккупированной противником территории СССР, проведение диверсий и операций дезинформации противника. Два управления военной разведки функционировали до конца войны с Германией. В июне 1945 года они были объединены в Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии.

Разведывательное управление Главного морского штаба (центрального органа управления военно-морским флотом, которыми являлись: Морской генеральный штаб (1917–1921, 1950–1953), Морской штаб республики (1921–1923), Управление ВМС РККА (1923–1937), Главный морской штаб (1938–1946), Главный штаб ВМС (1946–1950, 1953–1955), а с 1955 года – Главный штаб ВМФ) Народного комиссариата ВМФ в годы Второй мировой войны было несколько расширено образованием новых отделов.

Некоторые изменения служебных функций и реорганизации структуры военной разведки были и в послевоенный период, когда появились новые виды и направления разведки.

В 1955 году Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных сил наконец-то обрело свою нынешнюю организационную структуру и систему управления разведкой.

За восемьдесят лет существования созданной большевиками военной разведки на посту ее руководителя побывало почти тридцать человек. В последнее десятилетие, в весьма сложный период бурных политических изменений в Советском Союзе – Российской Федерации, ГРУ возглавляли (приведены последние воинские звания на данной должности):

1987–1991: генерал армии Владлен Михайлович Михайлов;

1991–1992: генерал-полковник Евгений Леонидович Тимохин;

1992–1997: генерал-полковник Федор Иванович Ладыгин;

С 1997 года: генерал армии Валентин Владимирович Корабельников¹.

¹ С апреля 2009 года по декабрь 2011 года ГРУ возглавлял Александр Васильевич Шляхтуров, с декабря 2011 года по январь 2016 года – Игорь Дмитриевич Сергун, а с января 2016 года военной разведкой руководит Игорь Валентинович Коробов (Примеч. ред.).

Начальник ГРУ одновременно является и заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил.

В настоящее время по масштабам, предназначению и задачам военная разведка делится на стратегическую разведку, оперативную разведку и тактическую разведку, которые тесно связаны между собой. По характеру задач, сфере действия и привлекаемым силам разведка подразделяется на виды: наземную, воздушную, космическую, морскую и специальную. В зависимости от специфики выполняемых задач, привлекаемых сил, средств и способов ведения, а также от источников или объектов получения сведений о противнике, разведку подразделяют на: агентурную, радиоразведку, радиотехническую, корабельную, войсковую, инженерную, радиационную и химическую, биологическую, радиолокационную, гидроакустическую, гидрографическую, топографическую, гидрометеорологическую и другие.

Не считая разведуправлений, разведотделов, всевозможных разведывательных воинских частей и прочих отделений разведки, разбросанных по всей стране, ГРУ имеет в своем подчинении еще несколько весьма крупных объектов радиоэлектронной разведки за рубежом. В пользу ГРУ работают тысячи тайных агентов, а под крышей чиновников посольств, других зарубежных представительств и фирм орудуют, не покладая рук, кадровые разведчики. Разведывательные сводки и различная документация от всех этих служб и разведсетей непрерывным потоком поступают в Центральный аппарат ГРУ, где информация сверяется, систематизируется и анализируется, после чего по закрытым каналам поступает в Кремль, правительство и некоторые другие властные структуры. Ежедневно начальник ГРУ подает начальнику Генерального штаба 3-4-страничную разведсводку, а если требуется, то и дополнительные пояснения. Кроме того, начальник ГРУ имеет право прямого доклада министру обороны.

Существующая система получения руководством страны разведывательной информации и аналитических докладов лишает политиков другого ранга прямого выхода на ГРУ.

Главное для любой разведки – это наличие в ее составе квалифицированных и верных сотрудников и их подготовка. Российская военная разведка в этом плане не исключение. При отборе на работу в систему военной разведки существует негласное правило – в войсковую разведку брать только по желанию. Просьба же о принятии в агентурную стратегическую разведку расценивается как неэтичная и подозрительная. Сотрудники управления кадров ГРУ до сих пор руководствуются советами одного из первых создателей и легендарного руководителя советской военной разведки Яна Карловича Берзина (Берзиньп, 1889–1938). В записках-раздумьях о задачах разведчиков, о правилах их поведения Ян Берзин указывал:

«Разведке требуются не просто отчаянные смельчаки, а люди незаурядные, выдающегося ума, с фантазией и воображением, умеющие самостоятельно и быстро ориентироваться в самой сложной обстановке, мгновенно принимать точные и единственно верные решения в самом тяжелом поединке, в безвыходном, казалось бы положении».

За отобранным кандидатом в разведчики вначале пристально наблюдают и одновременно досконально проверяют всю его подноготную. Затем, если он благонадежен и обладает необходимыми качествами, ему предлагают пройти соответствующее обучение и влиться в стройную систему военной разведки.

Кадры для военной разведки готовятся в Военно-дипломатической академии, на факультетах или группах подготовки военных разведчиков в военных академиях и училищах родов, служб и видов Вооруженных сил. Кроме этого, в войсках есть учебные подразделения и школы, готовящие специалистов специальной, радио- и радиотехнической, инженерной, химической, артиллерийской и другой разведки.

Нелегалов для стратегической военной разведки обучают в специализированных учебных заведениях Высшей школы Генерального штаба, куда принимаются (отбираются) только офицеры, окончившие военное училище или академию. Они готовятся по специальным про-

граммам, а их учебные классы расположены на конспиративных частных квартирах в разных районах Москвы и ближнего Подмосковья.

Поскольку основное внимание ГРУ составляют объекты, находящиеся за рубежом, то основой основ для разведчика является отличное знание языка страны пребывания, доведенное до совершенства. Кроме языков, будущие разведчики основательно изучают структуру, технику и вооружение иностранных армий, учатся общению с незнакомыми людьми, умению вступать с ними в контакт – навязывать свою волю, а также вербовать агентов. Помимо всего прочего, еще их обучают конспирации и правилам работы в условиях пристального внимания контрразведки противника и поведению при аресте и допросе.

Главной своей задачей руководство ГРУ считает сбор, анализ и обобщение самых различных сведений, на основе которых можно сделать вывод о степени потенциальной военной опасности или возможной угрозы государству. Военно-политическая обстановка в мире, особенно в последнее время, быстро меняется, соответственно оперативно претерпевают изменения и задачи военной разведки. Они варьируются от наблюдения за повседневной деятельностью вооруженных сил иностранных государств до сосредоточения своих усилий на наиболее угрожаемых оперативно-стратегических направлениях.

Объекты внимания ГРУ – это не только данные о военно-политической обстановке в странах «санитарного кордона» и потенциального противника, но и, конечно же, вооруженные силы, техника, вооружение, оборудование предполагаемого театра военных действий: система коммуникаций, дороги, аэродромы, военно-морские базы, порты, реки, каналы, пропускная способность транспортных магистралей, мосты, тоннели и так далее, а также экономика и наука, работающие на вооруженные силы иностранных государств.

Для выполнения секретных боевых операций в стройной структуре военной разведки существуют весьма оснащенные, мобильные и грозные формирования, которые чаще всего сокращенно называют «спецназ», а его бойцов – спецназовцами. До 1991 года сам факт существования формирований Специального назначения подчиненных военной разведки, по понятным причинам, не афишировался. У разведчиков-диверсантов настоящего Спецназа самый широкий круг задач и «сфера интересов», определяемая соседними и опекаемыми странами. На них возлагается проведение специальных операций в глубоком тылу противника, то есть разведка и диверсии на стратегически важных объектах и коммуникациях системы государственного и военного управления и тылового обеспечения, обнаружение и похищение образцов техники, вооружения и секретных документов, захват или уничтожение ядерного оружия, руководящего командного состава противника, руководителей министерств и других людей – носителей секретной информации, а также выполнение многих других специфических мероприятий по планам Генерального штаба и штабов военных округов. Многие публицисты, особенно зарубежные, не улавливают разницы и довольно часто путают подразделения Специального назначения военной разведки с обычными крупными формированиями Воздушно-десантных войск (ВДВ) и морской пехоты (МП), предназначенными в военное время для проведения относительно широкомасштабных операций в прифронтовой полосе и в ближнем тылу противника.

Помимо всего прочего, в системе военной разведки Российской Федерации находятся также совершенно секретные подразделения Специальной разведки Военно-морского флота, состоящие из боевых пловцов (водолазов-разведчиков). Официально они подчинены Разведывательному управлению Главного штаба ВМФ, однако их деятельность выходит далеко за рамки интересов только морской разведки, и они довольно часто решают самые невероятные задачи во всевозможных непредсказуемых условиях и беспрекословно выполняют любые, даже самые причудливые, приказы руководства военной разведки и высшего командования.

О своих боевых пловцах в средствах массовой информации Советского Союза никогда не упоминалось и ни одно военное должностное лицо ни разу публично не высказывалось о нали-

чии разведывательно-диверсионных групп Специальной разведки Военно-морского флота. В те весьма крутые времена при слове «подводный диверсант» высокопоставленные лица в Генеральном штабе и в Главном штабе ВМФ раздраженно отвечали, что согласно официальным документам в советском военно-морском флоте таких нет и что боевые пловцы – это боевые подразделения сил специальных операций ВМС ряда капиталистических, но никак не социалистических государств. Если же в интервью журналисты все-таки настойчиво спрашивали о специальных подразделениях в составе Вооруженных сил, то военные бонзы, как всегда, продолжали талдычить лишь об обычных разведывательных ротах воздушно-десантных войск или, в крайнем случае, о разведывательных подразделениях воинских частей морской пехоты, как известно не имевших никакого отношения к ГРУ. Даже в последнем издании Советской военной энциклопедии, подготовленной Институтом военной истории и выпущенной издательством Министерства обороны в 1990 году, словосочетание «боевые пловцы» давалось с пометкой «иностран.», «иностранное», и говорилось о боевых пловцах США, Германии, Великобритании и других стран, но ни слова о своих. Там же пояснялось, что это «легкие водолазы, выполняющие диверсионно-разведывательные задачи в тылу противника (уничтожение важных объектов на воде, под водой и на берегу)».

Безусловно, в подготовке боевых пловцов и их специфической деятельности обязательно должен присутствовать элемент секретности, но ведь не до такой же степени, чтобы утверждать о наличии подразделений боевых пловцов только в капиталистических государствах. И вот, после развала Советского Союза, а точнее 28 февраля 1992 года, в официальном центральном печатном органе Министерства обороны России – газете «Красная звезда», появилась небольшая публикация, в которой было сказано:

«О действиях боевых пловцов мы знаем, скорее, из западных вестернов. А раз „у них“ есть, значит... Да, есть и у нас.

Отряд – очень важное звено в противодиверсионной обороне Черноморского флота. Его специалисты обследуют подводную часть кораблей и судов. Вероятность обнаружения мин у моряков достаточно высокая.

Когда на рейде Севастополя находился авианесущий крейсер „Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов“, боевые пловцы также обследовали его корпус, чтобы воспрепятствовать действиям возможных диверсантов. Время мирное. Но все бывает...»

Этой публикацией военное ведомство впервые официально признало о наличии в составе своих Вооруженных сил боевых пловцов и что это реальная сила, не считаться с которой нельзя. Правда, первое осторожное признание последовало с некоторой оговоркой, будто бы российские боевые пловцы занимаются в основном несвойственным для разведчиков-диверсантов делом – противодиверсионной обороной. Но так ли это? Что же на самом деле представляют собой настоящие боевые пловцы, и на какие безрассудные авантюры (в хорошем смысле слова) они способны при кризисной ситуации?

Ответ на эти и на многие другие вопросы можно получить, если проследить, как происходило становление редкой экзотической военной специальности «морской разведдиверсант» и, в частности, «боевой пловец».

Современный морской «рыцарь плаща и кинжала» в совершенстве владеет многими приемами ведения тайной войны. Он и разведчик, и диверсант, и, в какой-то мере, при определенных обстоятельствах, террорист, но иногда и спасатель. Служба подводного бойца «невидимого фронта», обученного действовать там, где «еще не» или «уже не» сражаются, в большей мере связана с водными пространствами, и он должен в совершенстве освоить специальное водолазное дело и после тщательной подготовки чувствовать себя привычно в водной стихии и владеть самым разнообразным подводным снаряжением и техникой. При этом важно не забывать, что все, что сегодня имеют боевые пловцы для работы под водой, на воде, на суше и в воздухе – это результат деятельности прошедших поколений и поиск наших современников.

Водолазы, диверсии, разведка

С древнейших времен подводный мир привлекал внимание человека. На отмелях, в лагунах и озерах, на мелководье морей и рек человек, совершая примитивные нырки и погружения, собирал дары природы. Первыми водолазами были пловцы-ныряльщики. В качестве подводного снаряжения для быстроты погружения они использовали обыкновенный камень, а для подъема добычи применяли длинную веревку и простую корзинку. Ныряльщики смело погружались на глубины до тридцати и более метров. Их пребывание под водой было ограничено способностью задерживать дыхание и составляло всего две-три минуты, а иногда и больше – все зависело от физиологических возможностей и натренированности. Обнаружить интересные их предметы они могли только в прозрачных и спокойных водах, и здесь не исключено, что уже тогда были известны некоторые технические вспомогательные средства, такие, например, как прообразы современных сигнальных буйков или подводных гарпунов. Добывали ныряльщики ценный в то время обменный товар: жемчуг, кораллы, губки, раковины.

Со временем опытные пловцы-ныряльщики стали использоваться уже не только для добычи пищи и ценностей с водных глубин, но и для ведения разведки и неожиданного нападения на врага со стороны водных участков.

В сочинениях древнегреческого историка Геродота (около 484–425 до н. э.) упоминается греческий пловец-ныряльщик по имени Скиллиас, нанятый царем государства Ахеменидов Ксерксом I (?–465 до н. э.), чтобы поднять сокровища с разбившегося неподалеку от скалы у мыса горы Пелион персидского корабля. Искусный ныряльщик Скиллиас достал персам немало драгоценных предметов и при этом умудрился присвоить себе некоторую часть. Персы-ахемениды вели в то время войну с Грецией, и Скиллиас решил перейти на сторону соплеменников. Вскоре представился удобный случай. Огромный персидский флот стоял у берегов Греции и готовился к решающей битве. И тут с наступлением ночи началась буря. Дождь с сильными раскатами грома шел всю ночь. Скиллиас вместе со своей дочерью Гидной, которую тоже выучил искусству подводных спусков, подплыл к кораблям Ксеркса, перерезал канаты у якорей и другие зацепы и пустил корабли по ветру. Корабли разбивало о скалы и било друг о друга, ломались весла. Среди персов началась паника. Трупы и обломки кораблей выбрасывало на берег или гнало в открытое море.

Превосходно проведенная диверсионная операция пловца Скиллиаса повлияла на исход не только битвы, но и всей войны. Персы были побеждены и вынуждены отказаться от своих стремлений к утверждению в Европе. Греки были восхищены блистательным подвигом Скиллиаса и его дочери Гидны. Им стали воздвигать статуи и воспевать их в гимнах и стихах. Скиллиаса по праву можно назвать первым боевым пловцом и изобретателем способа «глубинной морской войны», имя которого стало известно.

С появлением простейших дыхательных трубок и некоторых других примитивных приспособлений функции пловцов расширились. Появилась возможность практически скрытного, особенно в темное время суток, подхода к местам размещения войск противника и неожиданного нападения на часовых или же проведения диверсий.

В силу физиологических возможностей человека глубина погружения с дыхательной трубкой небольшая, но все же это уже был определенный прогресс, который позволял осуществлять скрытое передвижение под водой на значительные расстояния. В византийских источниках можно найти упоминание о том, как славянские воины умели из-под воды внезапно появляться и внезапно исчезать перед врагом. Дыша через камышовые трубки, они могли подолгу скрываться под водой в озерах и реках.

В некоторых источниках говорится, что в XVI веке запорожские казаки под водой скрытно подбирались к врагу в опрокинутых вверх дном челнах – выдолбленных из цель-

ного бревна лодках. При погружении перевернутого челна вода проникала в него снизу и сжимала находящийся там воздух, то есть под днищем образовывалась воздушная подушка. Нулевая плавучесть и равновесие регулировались с помощью подвязываемых грузов, которые при всплытии отрезались. Движение осуществлялось за счет ручной тяги с упором ногами о дно. Несколько человек могли в таком подводном челне передвигаться до тех пор, пока воздух в «воздушной подушке» не замещался выдыхаемым углекислым газом. Таким способом казаки скрытно преодолевали водные пространства, простреливаемые с берега, или же под покровом ночи нападали на суда, стоящие на рейде. Историки тех времен писали об этом, как о чуде, и, естественно, преувеличивали факты. Так, например, французский ученый XVI века Р. Фурнье в своей книге передает рассказы очевидцев: «...они [запорожские казаки] являлись неожиданно, они поднимались прямо со дна моря и повергали в ужас всех береговых жителей и воинов». Как бы там ни было, а это, пожалуй, первые известные упоминания о передвижении группы воинов под водой в подводном плавающем средстве и даже можно сказать, в прообразе современной карликовой подводной лодки.

Безусловно, почти каждое столетие приносило в арсенал подводных бойцов какие-то новшества, но все же по-прежнему при подводном плавании они могли рассчитывать лишь на свои, отнюдь не безграничные физические и физиологические возможности, то есть на силу рук и ног, ловкость да объем легких.

В Средние века освоение водных глубин в военных целях тормозилось главным образом отсутствием технических возможностей. Смелые замыслы ученых и изобретателей по созданию автономного индивидуального снаряжения для пловцов-диверсантов оставались неосуществленными. Видимо поэтому, начиная с XVII–XVIII веков, некоторые весьма решительные новаторы пошли по пути создания подводного аппарата-корабля, который можно было бы использовать для скрытого перемещения боевых пловцов на значительные расстояния, а также для уничтожения из-под воды крупных надводных целей противника.

Например, в России опытный плотник и изобретатель-самоучка из подмосковного села Покровское-Рубцово Ефим Прокофьевич Никонов в 1718 году заявил, что может сделать «потаенное огневое судно» для скрытного нападения на неприятельский флот. В 1719 году, работая плотником Санкт-Петербургской верфи, он подал челобитную государю Петру I (1672–1725) с предложением изготовить судно, которое «в море в тихое время будет из снаряду разбивать корабли». Петр I считал делом всей своей жизни усиление военной мощи государства в борьбе за выход к морю на западе и юге страны. Он уделял много внимания техническому перевооружению флота – наладил разработку и производство новых типов кораблей, новых образцов вооружения, создал стройную систему базирования флота. Поэтому в январе 1720 года по указанию Петра I Никонову был дан приказ начать строительство подводного судна. Сначала в 1721 году изобретатель построил действующую модель, прошедшую испытания на погружение, всплытие и плавание под водой, после чего он начал изготовление «судна большого корпуса», которое было завершено в 1724 году. Для постройки боевого подводного судна длиной около шести и шириной около двух метров использовались дубовые и сосновые доски, смола, кожа, холст, железные полосы, медная проволока, оловянные пластины и другие материалы.

По замыслу Никонова «потаенное судно Морель» должно было скрытно доставлять водолаза-диверсанта к вражескому кораблю, после чего водолаз выходил из подводного судна и особыми инструментами разрушал днище корабля или же прикреплял к его корпусу пороховой подрывной снаряд-бочонок. Таким образом, Ефим Никонов первым выдвинул идею доставки водолаза к цели на подводной лодке с последующим выходом его из нее в подводном положении через шлюзовую камеру для проведения диверсии. Более того, он предложил также схему индивидуального водолазного снаряжения, состоящего из кожаного костюма и головного шлема в виде жесткого, обтянутого кожей бочонка со стеклянным окошком для обозрения.

Сохранились рисунки и описания снаряжения, сделанные самим изобретателем: «Для ходу на воде надлежит сделать на каждого человека из юхновых кож по два камзола со штанами да и на голову по обшитому или по обивному деревянному бочонку, на котором сделать против глаз окошки и обить его свинцом с лошадиными волосами, сверх того привязать будет для груза по пропорции свинец или песок».

Осенью 1724 года в Санкт-Петербурге на Галерном дворе в присутствии Петра I состоялся спуск на воду «потаенного судна» – первой российской подводной лодки, и сразу же начались ее испытания. При одном из погружений было серьезно повреждено деревянное днище подлодки, вода стала проникать внутрь корпуса, и подлодку пришлось вытащить на берег. Император велел исправить повреждения, чтобы затем продолжить испытания. Однако ремонт подлодки затянулся. А между тем, в январе 1725 года последовала внезапная смерть Петра I, и интерес к изобретателю-самоучке сразу снизился. Как бы по инерции эксперименты с подлодкой еще какое-то время продолжались, но из-за невозможности добиться герметичности работы над «потаенным судном» в 1727 году были окончательно прекращены. Настойчивые попытки Никонова добиться разрешения и средств на продолжения работ по совершенствованию своего детища навлекли на него гнев и опалу царских вельмож. Его разжаловали из мастеров в простые «адмиралтейские работники» и сослали на верфь города Астрахани, где он и умер. Подводная лодка же еще многие годы в тайне хранилась в закрытом складе, пока не истлела.

Подобные неудачи сменялись успехами. В разных странах появлялись новые изобретатели. Смелые идеи и интереснейшие по замыслу проекты пионеров подводного кораблестроения Корнелиса ван Дреббеля, Ефима Прокофьевича Никонова, Дэвида Бушнелла, Хорэса Ханли, Роберта Фултона, Карла Андреевича Шильдера, Вильгельма Бауэра, Ивана Федоровича Александровского, Степана Карловича Дзевецкого и других изобретателей имели большое значение для развития небольших подводных диверсионных средств движения и транспортировки. Эти же изобретатели определили ключевые методы и тактику использования сверхмалых подлодок и других подводных носителей в диверсионных и специальных операциях. К сожалению, в последующие годы разработчиков охватила гигантомания, и проектирование недорогих, но эффективных малых подлодок для диверсионных целей было практически прекращено. Методы тайных операций с использованием подводных средств также были на время незаслуженно забыты. Разведывательные службы Военно-морских сил некоторых стран вспомнят о них лишь после начала Первой мировой войны.

Проект же водолазного костюма Ефима Никонова, содержащий основные элементы вентилируемого водолазного снаряжения, не был забыт. Спустя 110 лет, в 1829 году в Кронштадте российский механик и изобретатель Гаузен усовершенствовал изобретение Никонова и довел его до промышленных образцов, получивших мировое признание. Водолазное снаряжение Гаузена состояло из металлического шлема, водонепроницаемой рубахи и грузов. По шлангу в шлем подавался сжатый воздух. Снаряжение Гаузена явилось прототипом современного вентилируемого водолазного снаряжения и названо водолазным скафандром. Позже, после очередного усовершенствования, водолазное снаряжение Гаузена успешно применялось в русском военном флоте при подводных инженерных и аварийно-спасательных работах.

В XVIII веке в России были также начаты разработки научных основ физиологии водолазного труда. Так, в 1729 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (издание при Петербургской академии наук) был опубликован выдающийся научный трактат «О водолазах», в котором не только намечались пути развития водолазного дела, но и ставились задачи по изучению физиологических явлений, связанных с длительным пребыванием человека под водой.

В XIX веке процесс развития индивидуального водолазного снаряжения в основном шел в направлении разработок тяжелого инженерного вентилируемого снаряжения. Смелых и порой весьма любопытных предложений по созданию автономного, компактного, легкого

водолазного снаряжения для пловцов-ныряльщиков было немало, но воплощение их в действующие образцы тормозилось главным образом отсутствием технических возможностей.

В 1853 году мещанин Василий Вшивцов предложил автономный водолазный аппарат с клапанами вдоха и выдоха и дыхательной трубкой. Аппарат позволял плавать только на малых глубинах, но система подачи и удаления воздуха, работавшая в нем, нашла развитие в более совершенном снаряжении.

В 1871 году известный русский изобретатель Александр Николаевич Лодыгин (1847–1923) впервые в мире предложил чрезвычайно интересный проект автономного дыхательного аппарата с применением в нем для дыхания водолаза искусственной кислородно-водородной смеси, получаемой из воды способом электролиза. Спустя два года другой русский изобретатель, мичман А Хотинский, сконструировал автономный дыхательный аппарат для подводных погружений, работавший на сжатом воздухе и кислороде, который явился первым прототипом автономных водолазных аппаратов.

Однако эти изобретения, как и многие другие, по разным причинам не были приняты к производству. И в отчете морского ведомства за 1879–1883 годы говорилось: «В последние годы, в особенности с развитием минного дела, начал ощущаться в составе судовых команд недостаток нижних чинов, подготовленных к работе под водой. В водолажном деле начали появляться новые усовершенствованные приборы, правильное обращение с которыми потребует особой научной подготовки, а поэтому необходимо иметь специальных офицеров, могущих не только руководить водолазами, но и применять новые, более совершенные приборы и приспособления водолазной техники».

Недостаток в водолазных кадрах восполнила Водолазная школа, открытая в Кронштадте 5 мая 1882 года. Она стала первым научным центром по водолазному делу и имела выдающееся значение для его развития в России. Школа выпускала водолазов с хорошей теоретической и практической подготовкой для работы в тяжелом, громоздком снаряжении, широко применяемом в инженерных частях флота. В школе не только проводилась подготовка водолазных кадров для флота, но и создавались новое снаряжение и оборудование, на научной основе отработывалась система водолазного труда.

С 1882 года по 1917 год школа выпустила 2695 водолазов. В ней проходили подготовку и офицеры водолазной службы, называемые водолазными специалистами. В 1897 году в школе прошла обучение группа врачей, изучавшая физиологию водолазного дела. Результатом явилось создание учебников по специальной физиологии и таблиц, позволяющих добиваться безопасного выхода на поверхность после длительного погружения. Были разработаны и изданы «Единые правила водолазных работ». В короткий срок школа приобрела авторитет не только в России, но и за рубежом. Теоретические труды русских специалистов по водолазному делу переводились на английский, французский, немецкий, итальянский, испанский и другие языки, специалисты этих стран приезжали в Россию обучаться водолазному делу.

В 1919 году Водолазная школа перебазировалась на Волгу, сначала в Саратов, затем в Казань, а через некоторое время – в Вольск. В 1921 году школа находилась в Петрограде, затем снова в Кронштадте. В декабре 1924 года Водолазная школа уже размещалась в Севастополе и была включена в состав Учебного отряда Черноморского флота. Став учебным подразделением ЭПРОНА, Водолазная школа со временем преобразуется в Военно-морской водолазный техникум.

В это же время на многих флотах появились военные штатные водолазы, которые ремонтировали подводные части кораблей. В 1906 году на российском флоте были приняты меры укрепления кадрового состава, для водолазов учреждены первые специальные звания: водолазный офицер 1-го и 2-го разрядов, водолаз-квартирмейстер, водолазный кондуктор и другие.

Первая крупная спасательная операция была проведена в России в начале 80-х годов XIX века, когда с помощью водолазов и мощных понтонов на поверхность после откачивания

воды была поднята броненосная канонерская лодка «Русалка». А в 1910 году русские водолазы впервые подняли с небольшой глубины подводную лодку – это была «Камбала», потерпевшая аварию на Черном море годом раньше.

Но, несмотря на эти успехи, пловцы-разведчики по-прежнему использовали для проникновения на территорию противника через прибрежные зоны все то же старинное приспособление – обычную тростниковую трубку. В определенных ситуациях целые группы пловцов привлекались для наведения переправ и для обеспечения особо важных десантных операций. Выдающимся примером применения пловцов для обеспечения войск явилась десантная переправа русских войск через реку Дунай у города Зимницы, проведенная 27 июня 1877 года под руководством генерала от инфантерии Михаила Ивановича Драгомирова (1830–1905). В те же годы задействовались также опытные пловцы-одиночки и, как правило, это были разведывательные мероприятия или же их использовали как связных для доставки необходимых донесений и передачи приказов.

Особенно удачно в XIX – начале XX века для проникновения в тыл врага тростниковые дыхательные трубки использовали бойцы из подразделений пластунов (от слова «пласт», то есть лежащие пластом – неподвижно и незаметно), первоначально появившихся в составе Черноморского, а позже – Кубанского казачьего войска России (кубанские казаки – потомки запорожских казаков, переселенных российскими властями на Северный Кавказ у реки Кубань в XVIII веке). Задействованных в войсковой разведке пластунов обучали различным методам ведения разведки, скрытому переходу линии фронта, преодолению сухопутных и водных преград, захвату пленных и специальным операциям. Ночью и в непогоду они, используя небольшие малозаметные плавающие средства, переправляли на территорию противника агентурных разведчиков и диверсионные группы.

В Первую мировую войну в Российской императорской армии части пластунов комплектовались исключительно добровольцами, доказавшими свои профессиональные качества и храбрость. Почти все пластуны являлись георгиевскими кавалерами (следует помнить, что так называли кавалеров и Военного ордена святого Георгия Победоносца (овер-офицеры и выше), и Знака отличия Военного ордена или Георгиевского креста (рядовые и унтер-офицеры) – разных наград для военнослужащих разного ранга), а почти треть были награждены Георгиевским крестом всех четырех степеней. Однако, кроме этого, каждый доброволец лишь тогда мог получить право встать в строй, когда за него ручались минимум двое пластунов. Фронтвые генералы не только высоко ценили уникальные возможности пластунов, но и грамотно их использовали. Так, во время Брусиловского прорыва в 1916 году в авангарде русских войск были сосредоточены 22 пластунских батальона. Всего на германском, румынском и турецком фронтах воевало 24 кубанских, 6 донских, 2 терских пластунских батальона, а также несколько отдельных дивизионов и сотен.

К большому же успеху российской военно-морской разведки можно отнести добычу русскими водолазами совершенно секретных сводов сигналов и шифров с немецкого легкого крейсера «Магдебург». В ночь на 26 августа 1914 года крейсер потерпел крушение в Балтийском море. Тогда соединение немецких кораблей пыталось проникнуть в Финский залив, чтобы уничтожить там русские дозоры. В условиях плохой видимости новый быстроходный крейсер «Магдебург» потерял ориентировку и наскочил на подводные камни у острова Оденсхольм (Осмусаар). Всю ночь команда пыталась снять его с камней, но все действия оказались безуспешными. Командир крейсера принял решение уничтожить корабль и, подготовив его к взрыву, начал пересадку своей команды на поджидавший миноносец. Во время эвакуации появились русские крейсера «Паллада» и «Богатырь», вызванные береговым разведывательным постом Службы наблюдения и связи (СНиС). Под обстрелом русских кораблей миноносец прекратил посадку личного состава с крейсера и сразу же ушел. Одновременно на «Магдебурге» произошел сильный взрыв, который частично его повредил.

Русские моряки, обследовав немецкий крейсер, нашли в каюте командира книгу с кодами. Основная же удача ждала их впереди. Водолазы обнаружили на дне, у борта корабля, труп унтер-офицера, за пазухой у которого находилась тяжелая сумка с секретными документами, включая сигнальные книги и шифры. Сверхсекретные документы были заключены в свинцовый переплет. Видимо, в панике не обратив на это внимания, вражеский шифровальщик сунул их под бушлат и прыгнул за борт...

Благодаря находкам российская военная разведка получила возможность, задействовав экспертов и дешифровальщиков, читать зашифрованные радиограммы и другие, совершенно секретные документы немецкого Морского министерства. Конечно, разведке приходилось очень тщательно проверять перехваченную и расшифрованную информацию, чтобы не стать жертвой дезинформации. К этому времени российская военная разведка, при годовом бюджете более пяти миллионов долларов (для того времени деньги просто огромные), обладала всевозможными структурами. Это позволяло ей сопоставлять и анализировать данные войсковой наземной, воздушной и морской разведок, а также дипломатические источники, различные материалы, собранные почтовой цензурой и извлеченные из периодической печати страны-противника, подслушанные телефонные разговоры и многие другие источники и таким образом знать о многих планах врага.

Руководство разведки предприняло ряд действий, чтобы немецкое командование ничего не узнало о найденных секретных материалах. В целях маскировки водолазам, обследовавшим «Магдебург», был даже публично объявлен «строгий выговор» за «плохую» работу.

13 октября 1914 года копии немецких шифров и других секретных документов были тайно доставлены в соответствующую службу (криптологам) Адмиралтейства Великобритании – союзнице России. А уже в декабре, используя полученные от русских материалы, британская морская разведка смогла заманить к Фолклендским (Мальвинским) островам немецкую Дальневосточную эскадру и там силой своих линейных крейсеров «Инвинсибл» и «Инфлексибл» разгромить ее.

Обследование затонувших вражеских кораблей и подлодок стало нормой для морской разведки России. Не забывали при этом осматривать и свои потопленные врагом корабли, на которых могли остаться секретные документы, техника и вооружение.

Первая мировая война произвела коренные преобразования и в организации, и в деятельности разведок военно-морских флотов. На арену разведывательно-диверсионной борьбы стали выходить современные специальные мобильные подразделения легководолазов – боевые пловцы. Каждая разведывательная служба в организации и развитии нового, но весьма перспективного подводного направления разведдиверсионной деятельности шла своим, порой долгим путем.

Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН)

В России после государственного переворота в 1917 году и победы большевиков в кровопролитной Гражданской войне 1918–1920 годов разведывательный орган, теперь уже Красной армии, начал активно развивать различные направления разведывательно-диверсионной борьбы. На этапе становления советской военной разведки в штабах армий, фронтов и в Полевом штабе Революционного военного совета республики работало довольно много бывших офицеров царской армии, в свое время окончивших Академию Генерального штаба и имевших необходимые профессиональные навыки по организации разведки, обработке и анализу разведывательной информации. Эти опытные, квалифицированные кадры помогли в короткий срок создать весьма деятельную военную разведывательную структуру, и уже в начале 20-х годов изучение стран вероятного противника велось по двадцати трем специально разработанным позициям.

Водолазное дело в Советской России тоже не ушло от внимания большевиков. Еще 19 июня 1919 года председатель Совета народных комиссаров Владимир Ильич Ленин подписал декрет о национализации водолазного имущества. Вслед за первым последовали и другие декреты. Так, 5 января 1921 года был подписан специальный декрет «О работе по подъему затонувших судов на Черном и Азовском морях». В соответствии с декретом на этих морях, а затем и на севере страны, были созданы судоподъемные партии – прообраз аварийно-спасательной службы Военно-морского флота. Одновременно были развернуты исследования и экспериментальные работы в области водолазного дела, совершенствовались и создавались новые образцы водолазной техники.

В 1923 году при активном содействии руководителя Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) Феликса Эдмундовича Дзержинского (1877–1926) была создана Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН). История ЭПРОН такова. Однажды в ОГПУ явился флотский инженер Владимир Сергеевич Языков и сообщил, что в Черном море у берега Крымского полуострова в районе Балаклавы на дне лежит погибший в Крымскую войну английский винтовой пароход «Принц», на котором находится огромное количество золота. Его убежденность в своей правоте, подкрепленная толстой папкой с разными документами по затронутой теме, произвела на сотрудников ОГПУ должное впечатление. Вырисовывалась такая картина. В ноябре 1854 года на рейд Балаклавской бухты прибыли английские корабли с обмундированием, оружием, медикаментами и жалованьем экспедиционной союзной армии, осаждавшей русский Севастополь. На одном из них – «Принце» – и находилось золото: 60 тысяч соверенов или 60 миллионов франков (различные источники сообщают разные цифры). Через несколько дней после прибытия кораблей над бухтой разразился невиданной силы шторм. Почти все корабли погибли, разбившись о прибрежные скалы. Затонул и «Принц». История его гибели и рассказы о безуспешных поисках затонувших сокровищ к началу XX века приобрели фантастическую окраску. С легкой руки любителей мрачных легенд, этот корабль стали называть «Черным принцем».

В марте 1923 года, вскоре после визита Языкова, было принято официальное решение об организации специальной подводной экспедиции по поиску золота «Принца». Ее и назвали ЭПРОН. А первым руководителем Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) ОГПУ стал Лев Николаевич Захаров-Мейер (1899–1937). Для поисковых работ был изготовлен подводный аппарат – гидростат, что значит «стоящий в воде». В районе поиска тральщики промерили глубины и разбили акваторию на квадраты. Каждый день небольшой катер доставлял гидростат к очередной точке погружения. Время шло, затраты росли, но среди многочисленных обломков разных кораблей следы «Черного принца» никак не выявлялись.

Наконец эпроновцы обнаружили разбитый корабль, который, по некоторым находкам, идентифицировали как «Принц», но никакого золота на нем не обнаружили.

Опыт подводных работ Экспедиции не пропал даром. Поиски золота положили начало большой и очень важной работе ЭПРОН. Новая специальная организация стала заниматься судоподъемными, аварийно-спасательными, поисковыми, опытовыми и другими подводными работами на территории Советского Союза. Организационно, приказом № 528 от 17 декабря 1923 года, она официально вошла в состав ОГПУ – органа государственной безопасности, на который были возложены следующие задачи: предупреждение и подавление открытых враждебных выступлений и раскрытие тайных организаций, нелояльных коммунистической диктатуре; охрана государственных тайн и борьба со шпионажем; охрана государственной границы и путей сообщения; выполнение специальных заданий и осуществление активных мероприятий за рубежом. ЭПРОН объединила практически все водолазное дело в стране, организовала централизованную подготовку водолазов и промышленное производство водолазной техники и снаряжения. В состав Экспедиции были переданы водолазная база с водолазной школой в городе Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), плавучие и технические средства, а также ремонтно-производственные мастерские в городе Севастополе. В связи со значительным увеличением объема производимых работ и специальных заданий очень быстро были созданы новые водолазные базы, отделения и партии на Черном, Балтийском и Каспийском морях, на Севере и Дальнем Востоке страны.

Расширение ЭПРОНа потребовало подготовки тысяч водолазов-специалистов, поэтому в 1925 году в Крыму, в городе Балаклаве, были открыты водолазные курсы, преобразованные затем в первый в стране водолазный техникум. Глубокая незамерзающая бухта Балаклавы позволила производить спуски круглый год. Здесь же, наряду с обучением и повышением квалификации, начались весьма важные научно-исследовательские работы, которые шли по двум направлениям: усовершенствование водолажной и судоподъемной техники и изучение влияния повышенного давления на организм человека при глубоководных спусках. Данную работу возглавила Военно-медицинская академия. Количество профессиональных водолазов росло с необычайной быстротой. Через девять лет после создания ЭПРОНа их насчитывалось уже порядка четырех с половиной тысяч. Для выполнения специальных подводных задач из особо подготовленных водолазов Экспедиции были сформированы группы минеров.

В 1927 году решением Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров для судов ЭПРОНа были введены кормовой флаг и вымпел, а кадровому составу Экспедиции дано право ношения формы и знаков различия Военно-морских сил.

В 1931 году ЭПРОН из состава ОГПУ была передана в ведение Народного комиссариата путей сообщения, а в 1936 году – во вновь созданный Народный комиссариат водного транспорта.

В 1941 году Экспедиция подводных работ особого назначения вошла в состав Военно-морского флота СССР, сохранив на первое время свое первоначальное название.

За годы своей деятельности Экспедиция успешно провела большое количество судоподъемных, аварийно-спасательных, подводно-технических и специальных работ. К наиболее известным относятся: подъем кораблей эскадры Черноморского флота, затопленных в районе города Новороссийска 18 июня 1918 года; подъем ледокола «Садко»; подъем и буксировка в Кронштадт британской подводной лодки «L-55», которая в 1919 году в бою у острова Сескар в Финском заливе попала на минное поле и, подорвавшись, затонула (после ремонта эта подлодка вошла в состав Балтийского флота); спасение ледоколов «Малыгин» у берегов Шпицбергена и «Александр Сибиряков» у Новой Земли; обеспечение важных операций оборонного значения по проводке по Беломорско-Балтийскому каналу из Балтийского моря на Север эскадренных миноносцев, сторожевых кораблей и подводных лодок для формирования Северной военной флотилии (с 1937 года – Северный флот). Всего с 1923 по 1941 год эпроновцы

осуществили подъем с глубин около 450 кораблей и судов, оказали помощь 188 судам, терпящим бедствие.

С 1932 года специализированные предприятия Советского Союза стали выпускать подводные спасательные индивидуальные дыхательные аппараты типа «ВМА-Э1» и четыре варианта индивидуальных кислородных дыхательных аппаратов типа «Э» («ЭПРОН-2, 3, 4, и 5»), сконструированные коллективом инженеров и врачей-физиологов, работавших в Экспедиции подводных работ особого назначения. Толчком к созданию этих аппаратов послужил трагический случай, происшедший в 1931 году. Тогда, при отработке задач боевой подготовки, в водах Балтийского моря на глубине чуть более 80 метров затонула подводная лодка «Рабочий» (бывшая «Ерш»), проходившая под номером «9», весь экипаж которой погиб из-за отсутствия индивидуальных подводных спасательных средств выхода из нее.

С каждым годом подводные дыхательные аппараты совершенствовались, создавались новые – типа «ИПА» и «ИСА-М». Одновременно разрабатывались и модернизировались разнообразные водолазные гидрокомбинезоны и гидрокостюмы как «сухого», так и «мокрого» типов. С 1933 года широкое распространение получают легководолазные боты и ласты, а также съемные маски, предназначенные для изоляции и защиты лица пловца от воды. Затем появляются совершенные, современных форм, дыхательные трубки.

Небольшие кислородные подводные индивидуальные дыхательные аппараты в комплекте с гидрокомбинезонами получили широкое распространение на подводных лодках, надводных кораблях и в инженерных воинских частях флота и армии. Водолазов, работающих в таком снаряжении, стали называть легководолазами.

В 30-е годы по инициативе руководства Военно-морского флота и ЭПРОН впервые в Советском Союзе стали практиковаться погружения под воду с кислородными дыхательными аппаратами в спортивных целях. Расчет здесь был весьма прост. В случае войны выносивших, хорошо подготовленных спортсменов-подводников и пловцов можно без большой затраты времени на подготовку использовать в вооруженных силах для выполнения разведывательных задач и проведения диверсионных операций (подрыв кораблей в базах, разрушения гидротехнических сооружений и других важных объектов на воде, под водой и на берегу).

Этот вывод можно проиллюстрировать на примере многократного чемпиона СССР по плаванию, заслуженного мастера спорта Леонида Карповича Мешкова (1916–1986), который в годы Второй мировой войны попал служить в войсковую разведку. Однажды в качестве командира разведывательного отряда он с подчиненными был направлен в тыл врага. Изучив расположение огневых точек противника, разведчики стали возвращаться, но при подходе к реке попали в засаду. Напарнику Мешкова осколком оторвало кисть руки, а ему самому задело лопатку. Подхватив здоровой рукой раненого, Мешков добрался до воды и поплыл лишь с помощью ног. Он благополучно переплыл реку, спас товарища и доставил разведывательные сведения. Конечно, назвать группу Мешкова боевыми пловцами было бы преувеличением – не тот размах операции, да и подводное снаряжение не применялось, зато этот эпизод наглядно показывает возможные резервы для разведывательных служб, хотя бы для подразделений войсковой разведки.

С середины 30-х годов в СССР появилась реальная возможность создать мобильные разведывательно-диверсионные группы легководолазов, но отрыв водолазной службы от интересов Военно-морского флота и частая смена руководства разведывательных служб армии и флота, а также ошибочная концепция на вооруженную борьбу и организацию вооруженных сил в предвоенные годы не способствовали этому. А ведь были и в то страшное время сталинских репрессий энтузиасты-одиночки, которые настойчиво пытались представить высокому военному начальству нестандартные методы использования индивидуальных подводных средств спасения – легководолазного снаряжения в боевых разведывательных и диверсионных операциях.

22 октября 1938 года произошло событие, которое с полным основанием можно занести в историю боевых пловцов России. В тот осенний день в бухте Улисс около города Владивостока было проведено первое в истории Военно-морского флота России необычное показательное учение по высадке через торпедный аппарат подводной лодки, находящейся под водой, группы легководолазов для разведки и проведения диверсии на берегу. Руководили выпуском и возвращением в подводную лодку морских разведчиков-диверсантов инициаторы данного учения военврач 1-го ранга Илья Ильич Савичев, военврач 3-го ранга Николай Карпович Кривошеенко и флагманский специалист флота военинженер 3-го ранга Григорий Федорович Кроль.

В ходе специальной учебной операции боевые пловцы продемонстрировали Военному совету Тихоокеанского флота во главе с его командующим флагманом 2-го ранга Николаем Герасимовичем Кузнецовым (1900–1974) возможности разведчиков, оснащенных легководолажным снаряжением с доработанным индивидуальным кислородным дыхательным аппаратом типа «ЭПРОН-4».

По плану операции боевые пловцы на борту подводной лодки «ГЦ-112» типа «Щука» (командир ПЛ (подводная лодка. – *Примеч. ред.*) – капитан 3-го ранга Берестовский) 13-го дивизиона подводных лодок ТОФ подошли к входу бухты, перегороженной противолодочными сетями, для наглядности отмеченными оранжевыми буйками. На расстоянии около двух кабельтовых от сетей подлодка застопорила ход, и разведдиверсанты в подводном положении лодки покинули ее, после чего скрытно, под водой, перерезав сети, проникли в бухту. Под действием волны, течения и ветра перерезанные сети стало сносить в стороны, что обеспечило возможность, при необходимости, проникновения в бухту боевых кораблей.

В это же время вдруг у самого берега из воды появились три головы, осмотрелись – и на берег, в легководолажном снаряжении и с оружием, осторожно вышли люди. Оглядевшись, они что-то заложили и зажгли у уреза воды. Затем из воды, также без шума, вышла еще одна группа вооруженных людей с какими-то мешками, и сразу разбежались по берегу. Через некоторое время тишину разрезала ожесточенная стрельба, раздались разрывы гранат и несколько мощных взрывов. Разведдиверсанты, используя неразбериху, организованно, по порядку, отошли к берегу, после чего все обратно ушли под воду на поджидавшую их подводную лодку. Все поставленные перед участниками учений задачи были полностью и успешно выполнены.

Этим мероприятием было наглядно доказано, что легкие водолазы – морские разведчики и диверсанты – могут скрытно под водой проникать в защищенную бухту, где после выхода на берег успешно вести разведку или проводить диверсионные акции. Руководители учения подготовили подробный отчет, в заключение которого написали, что «необходимо уделить исключительное внимание вопросам проникновения в бухты, форсирования подводных заграждений с применением индивидуальных средств погружения, для чего необходимо создание экспериментальных групп на морях или одной централизованной группы». Результаты столь необычного учения были даже доложены народному комиссару Военно-морского флота.

Самое удивительное, что ответственным руководителем, идеологом и организатором необычного учения был не представитель морской разведки и даже не строевой командир, а сотрудник санитарного отдела флота, преподаватель курсов по индивидуальному спасательному делу (ИСД), военврач 1-го ранга Илья Ильич Савичев.

На Черноморском флоте в 1940 году было проведено весьма похожее учение, но в меньшем масштабе. Черноморцы, не зная об учениях на Тихоокеанском флоте, долгое время считали себя в этом деле первопроходцами.

К сожалению, руководители военно-морской разведки того периода проявили недалекость и посчитали нецелесообразным создание подразделений подводных разведчиков-диверсантов. Превосходная идея не получила дальнейшего развития в предвоенные годы, что безусловно нанесло обороноспособности государства определенный ущерб. Только война,

начатая Германией и ее сателлитами против Советского Союза 22 июня 1941 года, заставила вернуться к вопросу по созданию специальных подразделений легководолазов-разведчиков.

В Советско-финляндской войне (1939–1940) и особенно в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) и войне с Японией в 1945 году советская военная разведка использовала многочисленные фронтовые и армейские разведывательные и диверсионные группы. В Военно-морском флоте в эти годы при разведывательных органах штабов флотов, оборонительных районов, военно-морских баз и других соединений формировались разведывательные отряды и разведывательно-диверсионные группы. Главным образом они предназначались для диверсионно-подрывных действий и добывания разведывательных сведений в тыловой прибрежной зоне противника.

Для выполнения поставленных задач эти формирования доставлялись к побережью противника кораблями, подводными лодками или катерами, а до берега добирались на шлюпках, надувных лодках и других плавающих средствах. За линию фронта они проникали и наземным путем или же с самолета десантировались на парашютах.

Так, например, с началом войны в Разведывательном отделе штаба Краснознаменного Балтийского флота (РОШКБФ) было создано отделение Специальной разведки во главе с капитаном 3-го ранга СЕ. Ивановым. Для проведения специальных операций на Балтийском флоте вокруг блокадного Ленинграда в 1941–1942 годах было создано семь разведывательных отрядов (не считая Роты особого назначения, рассказ о которой впереди):

два отряда в Ижорском укрепленном районе. Первый на Копорском направлении (командир – старший лейтенант СА Филипченко) и второй на Петергофском направлении (командир – старший лейтенант Е. В. Яковлев, затем капитан 3-го ранга Д. У. Шашенков);

отряд в Кронштадтском секторе (командир – старший лейтенант Пломадьало);

отряд Ленинградской военно-морской базы (командир – капитан-лейтенант Корсаков);

отряд на Невском направлении (командир – капитан Г. В. Потехин);

отряд в составе Ладожской флотилии (командир – старший лейтенант Анашкин);

отряд из разведывательных взводов на островных секторах Лавенсари и Сескар.

Разнообразные и сложные задачи, выполняемые этими формированиями, требовали наличия смелых и знающих разведчиков (некоторые из которых потом продолжили службу водолазами-разведчиками). Здесь можно привести всего лишь некоторые краткие выдержки из обширной хроники боевых действий разведчиков ВМФ и содействия морских сил в проведении разведывательно-диверсионных операций с августа 1941 по июнь 1942 года.

11 августа 1941 г. На юге. Подводная лодка Черноморского флота «ГЦ-211» в районе города Варны (Болгария) высадила группу болгарских интернационалистов (разведчиков) во главе с Цвятко Николовым Радойновичем (Родойновым).

12 августа 1941 г. На западе. На Чудском озере одна канонерская лодка и четыре сторожевых катера высадили диверсионно-разведывательную группу в районе города Гдов.

17 августа 1941 г. На западе. Два торпедных катера Балтийского флота высадили диверсионные группы в районе мыса Колкасагс (Латвия).

27 августа 1941 г. На западе. Один дальний бомбардировщик Балтийского флота сбросил разведывательно-диверсионную группу в районе города Риги.

2 сентября 1941 г. На западе. На финский остров Дуахольм высадилась разведывательная группа.

20 сентября 1941 г. На севере. Диверсионно-разведывательной партией Северного флота уничтожен железобетонный мост через реку Пилога-Йоки.

14 ноября 1941 г. На севере. Сторожевые катера Северного флота «МО-151» и «МО-1 б 1» сняли с побережья Мотовского залива высаженную накануне разведывательную группу.

6 декабря 1941 г. На севере. Подлодка Северного флота «МІ 71» из-за выхода из строя гирокомпаса досрочно возвратилась в базу, потопив за время похода танкер противника «Исланд», однако вследствие непрерывного шторма, доходившего до девяти баллов, не смогла высадить на неприятельское побережье специальную диверсионную группу.

5 января 1942 г. На севере. Подлодка Северного флота «С-102» высадила разведгруппу в Перефьорде, а два сторожевых катера «МО» – на западный берег губы Западная Лица.

7 января 1942 г. На юге. Подлодка Черноморского флота «М-33» вышла из Севастополя для высадки диверсионной группы в районе Евпатории.

3 февраля 1942 г. На севере. Подлодка Северного флота «ОЮОІ» в районе Танафьорда высадила разведгруппу.

9 февраля 1942 г. На юге. В районе косы Беглицкой разведывательная группа Азовской военной флотилии заминировала берег, занятый противником, еще пять разведгрупп вели разведку северного побережья Азовского моря.

14 марта 1942 г. На севере. Два сторожевых катера Северного флота в районе мыса Пикшуев высадили разведывательно-диверсионную группу в составе двенадцати человек

3 апреля 1942 г. На севере. Подводная лодка Северного флота «Щ-404» приняла с берега разведгруппу у мыса Нолнес.

4 апреля 1942 г. На севере. Подводная лодка Северного флота «М-173» высадила разведгруппу на берег Стюльте-фьорда.

23 апреля 1942 г. На севере. Два сторожевых катера Северного флота высадили две разведгруппы на восточный берег губы Западная Лица.

20 мая 1942 г. На юге. Катер-тральщик «Циклон» высадил разведгруппу в Таганрогском заливе.

4 июня 1942 г. На юге. Два катера-тральщика Черноморского флота были обнаружены противником и не смогли снять с берега Керченского полуострова высаженную накануне разведгруппу.

13 июня 1942 г. На западе. Сторожевой катер «МО-201» высадил разведгруппу в тыл противника на западном берегу Ладожского озера.

21 июня 1942 г. На юге. Сторожевой катер «019» Черноморского флота высадил разведгруппу в район мыса Зюк

После апреля-мая 1945 года некоторые советские морские разведывательные подразделения особого назначения и разведывательно-диверсионные группы, имеющие богатый опыт работы в тылу противника, из Европы были переброшены на Дальний Восток, где вскоре приняли участие в специальных операциях против Японии.

В годы Второй мировой войны в Военно-морском флоте СССР в специальных операциях на море и против береговых объектов противника помимо разведдиверсионных подразделений применялись также и оригинальные технические диверсионные новинки. В первую очередь к таким средствам можно отнести разработанные конструкторами Особого технического бюро секретные радиоуправляемые быстроходные катера-торпеды или, как их еще называли, взрывающиеся катера (катера, начиненные большой мощности зарядом взрывчатого вещества).

Тактика нападения катером-торпедой на выбранную цель не выделялась особой хитростью. При подходе к объекту поражения, за одну-две мили от него, экипаж катера-торпеды пересаживался на судно сопровождения, на котором быстро уходил в свои воды. Дальнейшее управление взрывающимся катером и наводка его точно в заданное место цели осуществлялись с помощью радиоволн с борта тихоходного морского ближнего разведчика – гидросамолета типа МБР-2 и под прикрытием с воздуха истребителями, которые одновременно также отвлекали противника от наблюдения за морем.

30 ноября 1943 года решением Военного совета Черноморского флота была поставлена задача – таранным ударом снаряженного взрывчатым веществом катера, управляемого по

радио, нанести удар по двум объектам в немецкой военно-морской базе в порту Камыш-Бурун под городом Керчь с целью их уничтожения.

16 декабря 1943 года начиненный тонной взрывчатки катер-торпеда под номером «К-41», оборудованный аппаратурой радиоуправления «Вольт-Р» и управляемый самолетом МБР-2 № 10, удалось провести, направить и взорвать в самом уязвимом месте базы Камыш-Бурун. Немецкое командование было так напугано взрывом неизвестной русской «адской машины», что, опасаясь повторного нападения, спешно перебазировало всю базу в другое место.

Аналогичную операцию, по той же схеме, советские морские диверсанты провели в те же годы около Анапы.

К интересным, но нереализованным разработкам для диверсантов ВМФ можно отнести проект ныряющего торпедного катера. Несколько вариантов такого катера-подлодки предложил бывший руководитель ЦКБ № 17, конструктор, специалист в области проектирования боевых кораблей, капитан 1-го ранга Валериан Людомирович Бжезинский. Будучи необоснованно репрессирован, он, находясь с 1937 года в заключении, продолжал трудиться в закрытом конструкторском бюро, которое находилось под патронатом НКВД. По одному из предложенных им вариантов в 1939 году на заводе № 194 была заложена опытная сверхмалая подводная лодка – торпедный катер «М-400» с единым двигателем. По расчетам полная надводная скорость этого гибрида должна была составлять 33 узла (61 км/час. – *Примеч. ред.*), а подводная – 11 узлов (20 км/час. – *Примеч. ред.*). Этот тип корабля можно было бы отнести к так называемому «москитному флоту», если бы не его оригинальные качества и более широкие конструктивные возможности. Проект предусматривал использование подводного торпедного катера в качестве средства скрытой доставки в надводном и подводном положении разведчиков и диверсантов на территорию противника. Однако главная планируемая роль, которая ему отводилась, заключалась в использовании его необычных возможностей в диверсионно-штурмовых операциях. Для этих целей ныряющий катер имел торпедное вооружение, включающее два аппарата калибра 450 мм. Необычная тактика предусматривала три этапа операции. Вначале скрытый подход в подводном положении к месту засады у входа в порт или военно-морскую базу. Затем – внезапная торпедная атака в подводном или надводном положении на достойную неохраняемую цель. И, наконец, быстрый отход в надводном положении со скоростью быстроходного катера. Теперь можно только догадываться, почему данное диверсионное средство не было доведено до готовности, хотя по многим показателям, особенно по тактике использования, описанный проект был весьма перспективный.

В годы войны с Германией, в силу нехватки подготовленных кадров, а также из-за несогласованности в планировании операций, руководители отделов советской морской разведки нередко для проведения специальных задач вынуждены были формировать разведывательно-диверсионные группы из не совсем готовых к такой деятельности моряков надводных кораблей и подводных лодок, что в итоге часто не давало нужного результата. В этом плане весьма показательна операция под названием «Энигма».

Шифры и коды для скрытия информации в сугубо конфиденциальной переписке, так же, как и специалисты по дешифровке перехваченных сообщений, существуют с давних пор. Зная шифры врагов, уже не нужны многие оперативные планы, ведь дешифровка сообщений дает ключ к их секретам. Бурное развитие техники в XX веке повлекло проникновение механизации и в данную область науки. В 1923 году на международной почтовой выставке была продемонстрирована немецкая коммерческая шифровальная машинка «Энигма» («Загадка»), которая вызвала живейший интерес у представителей вооруженных сил Германии, и вскоре ее модификации стали поступать в шифровальные отделы немецкой армии и флота.

Британской разведке еще в 1939 году удалось раздобыть военную модель немецкой «Энигмы», а к 1941 году раскрыть уже и принцип кодирования морской «Энигмы», что позво-

лило ей читать секретные радиogramмы не только армии и флота, но и политических, дипломатических и многих других ведомств рейха. Однако Великобритания, даже после подписания 26 мая 1942 года в Лондоне Договора с СССР о союзе в войне против гитлеровской Германии и о сотрудничестве и взаимопомощи после войны на 20 лет, не раскрыла своему союзнику тайну немецких шифровальных машин, а ведь каких потерь можно было бы избежать, обладай Красная армия ключом к шифрам врага! Британцы как бы забыли, как русские, верные союзническому долгу, добыв в 1914 году на крейсере «Магдебург» шифродокументы, передали их копии Великобритании, чем существенно помогли ей в борьбе на море с Германией.

В ходе войны советская разведка постоянно предпринимала попытки раскрыть тайну немецких шифров. В 1943 году стало известно, что в районе города Нарвы на командном пункте немецкой дивизии работает радиопост, где используется новейшая модифицированная шифровальная машинка «Энигма». Было принято решение срочно создать разведгруппу, которой поручалось найти этот штаб и невредимой захватить «Энигму».

Из экипажа одной подлодки в группу отобрали 5 человек. Возглавил новоиспеченных разведчиков старший лейтенант Калинин. Несколько суток бойцы группы интенсивно тренировались, учились ориентироваться на местности и осваивали азы разведки.

Зимней ночью подводная лодка типа «Малютка» бесшумно вошла в заданный район в Нарвском заливе Балтийского моря. Еще раз обговорив с представителем штаба флота сигналы и время встречи после завершения операции, группа начала действовать. Одетые в немецкую военную форму разведчики на резиновой лодке высадились на безлюдный берег. Долго блуждая, они наконец вышли на немецкий штаб. Сразу сняв часового, моряки ворвались в помещение, но... «Энигму» они там не нашли. Оказалось, что малоподготовленные разведчики напали не на штаб дивизии, а на штаб полка. Конечно, храбрости им не занимать, но в силу неопытности они не смогли вначале выйти на нужный объект, а потом отличить штаб полка от штаба дивизии. Повторно же проводить операцию в этом районе стало уже опасно – четырехдисковая (М4) «Энигма» продолжала оставаться для советской военной разведки тайной.

Слабым утешением стали оперативные карты и два «языка», захваченные в ходе налета. Любопытный факт: офицер, взятый в плен, занимал должность офицера разведки полка и оказался внучатым племянником знаменитого капитана Франца Ринтелена фон Клейста – разведчика-диверсанта времен Первой мировой войны.

Применяла Красная армия для борьбы с нацистами и водолазов. На Днепре стоял многопролетный железнодорожный мост, по которому гитлеровцами осуществлялись интенсивные поставки на Восточный фронт. В 1941 году его не взорвали во время отступления, и последствия этой ошибки были очень тяжелыми.

Мост усиленно охранялся. Его окружали минные поля, заграждения и огневые точки. Все попытки партизан преодолеть препятствия и подойти к мосту кончились неудачей. Не смогла разбомбить мост и авиация – вокруг него располагались многочисленные зенитные батареи. Тогда решили привлечь к уничтожению моста диверсионный отряд, сформированный из спортсменов. После всесторонней подготовки на водоемах Подмосковья этот отряд был сброшен с самолета у Днепра и скрылся в заросших кустами и тростником плавнях.

Подводные работы выполнял спортсмен и опытный водолаз В. Хохлов. Самым трудным был первый рейд к мосту. Хохлову предстояло ночью в регенеративном снаряжении преодолеть около километра, где вплавь, а больше под водой по течению, и вернуться обратно. Водолаз смог в первый рейд протянуть по дну к центральной опоре моста электрический провод. Это было далеко не просто: на мосту находилась многочисленная охрана, часовые непрерывно наблюдали за рекой. Вблизи моста действовать было можно только под водой, а подбираться к нужной опоре ему приходилось в абсолютной темноте. Каждую следующую ночь Хохлов

отправлялся к опоре с двумя ящиками взрывчатки, но теперь ему было проще ориентироваться: помогал проложенный провод.

За десять ночей к подножию опоры было доставлено более 500 кг тола. На следующую ночь, дождавшись появления очередного эшелона, Хохлов подорвал мост. Опора рухнула, мост переломился, а вагоны полетели в реку. Все это произошло на глазах у охраны, которая так и не поняла, откуда был нанесен удар.

Рота особого назначения (РОН)

Золотыми буквами в историю Специальной разведки Военно-морского флота СССР / России необходимо вписать действия Роты особого назначения (РОН). Рота была создана в начале войны при Разведывательном отделе штаба Краснознаменного Балтийского флота (РОШКБФ) из отличных специалистов-водолазов Экспедиции подводных работ особого назначения и группы моряков из Первой особой бригады морской пехоты, которые с апреля 1941 года в городе Ораниенбауме Ленинградской области под руководством врачей-физиологов Военно-морской медицинской академии изучали курс легководолазной подготовки и метод выхода под водой из подводной лодки через трубу торпедного аппарата с переходом по путеводной нити (проводу) на берег с оружием на расстоянии 500–600 метров и возвращение на подлодку.

С началом войны Германии и ее покорных сателлитов против СССР резко осложнилась обстановка на Балтийском театре военных действий, особенно когда начало смыкаться кольцо блокады вокруг Ленинграда. Большая плотность войск противника и многочисленные сложные инженерные сооружения значительно затруднили проникновение разведывательно-диверсионных групп в тыл противника. В сложившихся крайне сложных условиях наиболее эффективным способом проникновения разведчиков и диверсантов оставался лишь морской путь, а как наиболее скрытный – подводный, с использованием легководолазного снаряжения и средств доставки – подводными лодками или небольшими надводными кораблями и катерами. В этой ситуации в разведотделе штаба Краснознаменного Балтийского флота вспомнили об экспериментах по организации подразделений легководолазов-разведчиков.

В конце июля 1941 года, в связи с эвакуацией водолазной школы из города Выборга в Ленинград, к представителю Ставки Верховного командования, начальнику Главного морского штаба адмиралу Ивану Степановичу Исакову, находящемуся в это время в Ленинграде, прибыл начальник Управления ЭПРОН контр-адмирал Фотий Иванович Крылов. В докладе он сообщил, что ценных людей, обученных профессионально работать под водой, при расформировании водолазных частей неразумно направлять в обычные пехотные части, и что было бы правильным оставить их на флоте, создав специальный отряд подводных разведдиверсантов. Контр-адмирал Крылов отметил, что «имеет около ста водолазов-разведчиков, и командира долго искать не нужно. Только что окончил военное училище имени Фрунзе мой подопечный, серьезный моряк, отличный, с большим опытом, водолаз – лейтенант Прохвятилов. Очень нужное подразделение получится».

Адмирал Исаков поддержал дельное предложение. В этой, можно сказать, исторической беседе и был решен вопрос о создании первого в истории российского флота специального подразделения водолазов-разведчиков. Проведя подготовительную работу, контр-адмирал Крылов подписал приказ по ЭПРОН № 09 от 30 июля 1941 года о сформировании Роты особого назначения.

Фотий Крылов был очень рад, что командование поддержало его инициативу. При первой же встрече с представителями РОШКБФ он обозначил им перспективы использования подводных разведчиков и диверсантов:

– Тяжелые водолазы вам ни к чему. Снаряжение слишком громоздкое: нужен специальный бот, компрессор, дежурная служба с телефоном. Но учтите: каждый тяжелый водолаз в любой момент может стать легким. Вы сразу получаете чуть ли не сотню обученных бойцов, которых после небольшой тренировки можно тайно забрасывать на территорию противника. Они пройдут под водой, добудут нужные сведения и по дну морскому вернутся. Легкие водолазы смогут даже топить в гаванях корабли.

Затем, 11 августа 1941 года, последовал приказ народного комиссара ВМФ СССР № 72/походный о формировании роты особого назначения. В приказе начальнику Разведотдела КБФ было указано:

«1. Сформировать при РОШКБФ роту особого назначения в составе 146 штатных единиц. Роту укомплектовать командирами и краснофлотцами водолазами, прошедшими специальную подготовку в Военно-морской медицинской академии и Управлении ЭПРОНа по прилагаемому списку.

2. Окончание подготовки производить в помещениях Военно-морской медицинской академии и ЭПРОНа. Командиром роты назначаю лейтенанта Прохвятилова. Политруком роты – политрука тов. Маценко. Для руководства и консультаций по водолазному делу выделить военврача 1-го ранга тов. Савичева.

3. Временный штат ввести в действие с 15 августа 1941 года, формирование роты закончить 25 августа 1941 года».

Подписали приказ заместитель Народного комиссара ВМФ СССР адмирал Исаков и военный комиссар Морской группы при Главнокомандующем Северо-Западного направления инженер-капитан 1-го ранга Белоусов.

Местом дислокации Роты особого назначения было определено здание обычной семилетней школы на острове Декабристов (остров Голодай), недалеко от обелиска декабристам в Ленинграде. Истинное наименование роты не раскрывалось, и во всех документах, в силу секретности, она проходила как рота подводников Экспедиции подводных работ особого назначения. Кстати, за личным составом РОН быстро закрепилось наименование «легководолазы-разведчики» и «подводные пехотинцы», хотя в то время официально их военная специальность называлась «автоматчик-подводник».

РОН подчинялась непосредственно Разведывательному отделу штаба Краснознаменного Балтийского флота. Костяк роты составили специалисты-водолазы ЭПРОНа и легководолазы из Первой особой бригады морской пехоты. Дальнейшее комплектование проводилось из числа добровольцев через Первый Балтийский флотский экипаж. Большая текучесть кадров роты в период ее доукомплектования объясняется тем, что большинство предварительно отобранных добровольцев не имели опыта подводных работ и по состоянию здоровья не смогли пройти весьма строгую медицинскую комиссию на годность к водолазной службе. Как говорят сохранившиеся документы, только за период с 31 июля по 25 августа 1941 года было выявлено непригодными к службе легководолаза-разведчика около ста человек.

По замыслу командования Рота особого назначения была организована главным образом для обеспечения деятельности агентурной разведки и подготовки легководолазов-разведчиков для оперативных разведывательных групп разведотдела флота, однако из-за сложившейся обстановки была вынуждена выполнять и несвойственные ей задачи.

Первоначально перед РОН была поставлена задача в течение одного месяца подготовиться к проведению специальных операций с умением форсирования рубежей под водой с глубинами до двадцати метров и протяженностью не менее тысячи метров. За этот же срок личный состав должен был освоить различное стрелковое оружие и гранаты, приемы рукопашного боя, изучить военную топографию и овладеть основами использования подрывных средств. Для физической подготовки моряков были выделены лучшие спортсмены и тренеры Ленинграда. Несмотря на протесты специалистов, сроки обучения подводных разведдиверсантов увеличить не удалось, более того, 7 сентября подготовка роты при ЭПРОН была внезапно прервана.

Столь поспешное сворачивание подготовки разведдиверсантов РОН было вызвано важными причинами. Обстановка была более чем напряженной. 8 сентября 1941 года нацисты овладели Шлиссельбургом (Петрокрепость), отрезав Ленинград с суши. Началась трагическая

и героическая оборона блокадного Ленинграда. Наступление нацистов продолжалось, сил для обороны не хватало. И сохранить отряд, как вспоминал Прохватилов, было непросто:

– Один в телефонную трубку требует «Немедля построить бойцов и форсированным ходом отправить на пополнение в стрелковый полк За неисполнение – расстрел». А кто он, этот крикун, – я не вижу. Флотским звоню. А оттуда голос еще грозней: «Не смей! Сохранить водолазов для флота!» И тоже расстрелом грозит. Потом звонок, из третьего места. Всем мои хлопцы нужны. Вижу, так и так расстрела не избежать, вызываю связиста и по секрету приказываю: оборвать телефонные провода и сделать вид, что не можете найти обрыв. Только такой хитростью и удалось сохранить отряд.

В таких условиях РОН в соответствии с приказом начальника Управления ЭПРОН от 7 сентября 1941 года за № 051 полностью передавалась в распоряжение Разведывательного отдела штаба Краснознаменного Балтийского флота с непосредственным подчинением заместителю начальника отдела по агентурной разведке.

Тем временем на Ленинградском фронте верные союзники гитлеровской Германии – финские войска перешли в наступление, форсировали реку Вуоксу и заняли стратегически важную дорогу южнее города Выборга. В то же время они, захватив остров в заливе перед Выборгом, перекрыли и морской путь. Таким образом, все дороги к отступлению 23-й армии к Ленинграду были отрезаны. Командиру РОН была поставлена задача: в трехдневный срок подготовить личный состав к скрытной высадке на остров и ликвидировать противника.

К этому времени структура Роты особого назначения выглядела следующим образом:

Командир роты: лейтенант Иван Васильевич Прохватилов;

Заместитель командира роты по политической части: политрук (лицо военно-политического состава, руководящее политической работой, сокращение от слов политический руководитель – в подразделениях войсковых частей Красной армии воинское звание с 1935 по 1942 год, соответствовало старшему лейтенанту) Анатолий Федорович Маценко;

Командир первого взвода: главный старшина Федор Тимофеевич Андреев;

Командир второго взвода: главный старшина Федор Петрович Кириллов;

Командир третьего взвода: мичман Николай Карпович Никитин;

Командир четвертого взвода: старшина 1-й статьи Константин Георгиевич Пьянков;

Командир пятого взвода: старшина 1-й статьи Николай Кузьмич Лукин;

Командир шестого взвода (учебного): главный старшина Петр Иванович Радченко.

Инструкторы водолазной подготовки: Иван Трофимович Губенко, Иван Павлович Никитин, Николай Иванович Никифоров, Сергей Семенович Осипов, Леонид Дмитриевич Федоров.

Кроме вышеназванных командиров и инструкторов в РОН входило 103 рядовых военнослужащих.

Для помощи в разработке подводной части специальных операций, руководства и консультаций по легководолазной и медицинской подготовке к РОН был прикомандирован военврач 1-го ранга Илья Ильич Савичев – крестный отец советских боевых пловцов.

Готовясь к первой боевой операции, лейтенант Прохватилов с группой разведчиков своей роты двое суток вел пристальное наблюдение за островом, нанося на карту выявленные позиции и огневые точки противника. Наконец, ночью, одетые в легководолазное снаряжение, старшина 1-й статьи Никитин и краснофлотец Сванишвили с большой катушкой телефонного провода ушли под воду. Через некоторое время они тихо вышли на остров, осмотрелись и сообщили: «...мы на острове в условленном месте, можно начинать». Держась за проложенный по дну провод, на остров перешли еще 50 вооруженных разведчиков. Командир и политрук с остальной частью роты ждали атаки, но на острове стояла гробовая тишина. Прождав еще немного, Прохватилов сел в небольшую шлюпку и быстро направился к острову. Когда он уже подходил к берегу, раздалось мощное «Ура!», однако выстрелов не последовало. Иван

Никитин доложил командиру: «Приказ выполнен, но на острове противника нет, в окопах и траншеях обнаружены пулеметы без замков и взорванная пушка».

Вначале Прохватилов думал, что финны заметили, как за островом ведется интенсивное наблюдение и идет подготовка к его захвату, и поэтому они поспешили убраться. Однако, как потом выяснилось, в ряды РОН удалось проникнуть финскому разведчику, который по радиации передавал своим о готовящихся действиях, но, в конце концов, был разоблачен. После этого весьма неприятного случая все, что касалось намечаемой операции, знали только командир роты, его заместитель и представитель разведотдела. Непосредственные исполнители с планом предстоящей операции знакомились в последние часы в исходном для движения пункте.

22 сентября 1941 года в Смольный (здание бывшего Смольного института благородных девиц – первого в России женского общеобразовательного учебного заведения, основанного в 1764 году, где в 1917 году располагался штаб большевиков, руководивший государственным переворотом), где располагался штаб Ленинградского фронта, к командующему войсками фронта генералу армии Георгию Константиновичу Жукову был вызван начальник разведотдела Краснознаменного Балтийского флота подполковник Наум Соломонович Фрумкин. Жуков приказал во что бы то ни стало срочно, в эту же ночь, высадить на берег Ладожского озера в районе Шлиссельбурга (ныне Петрокрепость) группу моряков из разведроты для захвата и удержания плацдарма, на который через сутки будет высажен основной подготовленный десант. Причем Жуков приказал начальнику Разведотдела принять личное участие в высадке десанта. Причина такого, мягко говоря, неразумного приказа непонятна. А как вспоминал Иван Васильевич Прохватилов, настоящий великан, ростом в 198 см и весом в 128 кг:

– Наш Наум Соломонович небольшой, шуплый, он прежде только с заграничной агентурой дело имел, для рукопашного боя не приспособлен. Пришлось мне с ним пойти...

Для личного состава РОН это была очередная несвойственная операция, но приказ есть приказ. Задача стояла чрезвычайно трудная, так как оборону на месте высадки занимал отборный егерский полк, и все предыдущие попытки закрепиться на берегу заканчивались неудачно.

Численность моряков-разведчиков первой группы определилась автоматически, так как для них было выделено всего два небольших катера «КМ» общей вместимостью не более тридцати пяти человек 23 сентября в 1 час 45 минут тридцать пять разведчиков (брать старались неженатых) во главе со своим командиром лейтенантом Прохватиловым, подполковником Фрумкиным и политруком Маценко на двух заполненных до отказа катерах, в кромешной тьме при ветре в шесть баллов вышли из Осиновецкой гавани в направлении к месту высадки. Катера с разведчиками вел капитан 1-го ранга Глеб Александрович Визель. Через два часа пятнадцать минут катера уткнулись днищем в песчаную отмель западнее села Липки. Далее, более двух километров, поднимая оружие и боеприпасы над головой, разведчики бесшумно шли по грудь в холодной воде. Через два часа они добрались до кустов на берегу. На ледящем ветру отжали одежду и снова натянули на себя – сырую.

На берег группа выбралась незамеченной. Моряки рассредоточились среди валунов и в прибрежном кустарнике. В разведку пошли старшина 1-й статьи Иван Никитин, старший краснофлотец Михаил Петров и краснофлотцы Николай Лукич Лукин и Иван Степанович Кучерук. Вернувшись, разведчики доложили, что в ста пятидесяти метрах перед ними расположены траншеи с многочисленными огневыми точками, рядом с которыми прогуливаются немцы. Командир приказал:

– Всем затаиться, а в случае обнаружения все в атаку.

Так прошли сутки, потом другие, но основного десанта все не было. Промокшая рация вышла из строя. Еда на исходе. Похолодало. Находясь в непосредственной близости от противника, разведчики не имели возможности просушиться и обогреться. Многие бойцы простыли. Уткнувшись лицом в мерзлую землю, они безуспешно пытались сдержать сильный кашель,

который мог выдать разведчиков. Необходимо было принимать какое-то решение. Собрав младших командиров Прохвятилов был краток.

– Думаю, десант наших войск отменен, предлагаю прорываться к своим через Синявинские болота.

Среди разведчиков оказался один водолаз, который работал на канале в Шлиссельбурге. Он там все ходы и выходы знал, так что пошли не «вслепую». На рассвете третьих суток моряки-разведчики, разобрав патроны и гранаты, двинулись к Шлиссельбургскому каналу. Прохвятилов с проводником шел впереди, остальные за ними. Решили втихую пройти, без стрельбы, чтобы противника не всполошить. Поэтому Прохвятилов взял гранату без запала: в случае чего подобраться к часовому и ткнуть его по каске – «он и обмирает, добавлять не надо». Но в одном месте немцы все же приметили отряд.

– Halt! Parole! (Стой! Пароль!)

Старшина Василий Герасимович Грицунов сразил первого фашиста, тот и пикнуть не успел. Но другие гитлеровцы открыли огонь. Взлетели осветительные ракеты, застучали пулеметы и автоматы. Путь разведчикам преградила большая группа немцев. Их ефрейтор громко кричал «Рус, сдавайся!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.